

ГЛАВА 4

Открыв глаза на рассвете, Петр чувствовал себя хорошо выспавшимся. Солнце выходило из-за зарослей кустов на другой стороне реки, возвещая новый день старого мира. Тело немного затекло от того, что он спал в неудобной позе.

Наконец проснулось чувство голода, и Петр пошел в дом, чтобы поесть. С собой он привез электрический чайник и несколько пачек Доширака. Эллочка сказала, чтобы он ничего не набирал впрок, в деревне есть магазин.

Из колонки во дворе молодой человек налил воду в чайник, вскипятил ее и заварил лапшу. Привычный завтрак в непривычных условиях. Он сидел за столом середины 70-х, на котором была уже выцветшая от времени клеенка. Весь дом состоял из кухни и комнаты, на одной стене которой висел прибитый гвоздями пестрый ковер с тремя оленями, мирно жующими траву у горного озера. Вокруг ковра висели грамоты, свидетельствующие о том, что его бывшие владельцы были героями социалистического труда, а также черно-белые фотографии, изображающие разных людей. На одной из них Петр узнал маленькую Эллочку. Девочка сидела на велосипеде и гордо и грозно смотрела в камеру. С другой стороны стены висело изображение Девы Марии на желтом фоне, вырезанное из какого-то старого журнала. Оно уже потеряло яркость красок, но еще видно было, что складки ее голубого платья скрывали живот. Изображение беременной богородицы почему-то очень привлекало Петра, он не мог от него оторваться, жуя китайскую вермишель.

В углу стояла кровать, устланная несколькими матрацами, а сверху матрацов — перина из гусиного пуха. Застелена кровать была гобеленом с геометрическим рисунком. Общую картину дополняли подушки в количестве трех штук, поставленные одна на одну. Подушки покрывала вязаная крючком белая ажурная салфетка. Создавалось ощущение, что хозяйка только что закончила застилать кровать и ушла по своим делам в огород.

Также в комнате была печь. В этом селе до сих пор не провели газ, и жители отапливались углем. Дрова стоили дорого, уголь выходил дешевле. Петр понятия не имел, как топится печка, и хорошо, что сейчас было лето. Побеленная конструкция выполняла просто роль декора.

Почти в каждом деревенском доме обычно жила кошка, и не одна. Коты здесь имеют практическую ценность: они ловят мышей. Вот и этот дом не стал исключением. Петр увидел, как на мягких лапках пробралась кошка, теперь она сидела у ног человека, мурлыкая и попрошайничая. Вспомнив, что не вытащил из своего рюкзака кошачий корм, который он обычно носил с собой, чтобы подкармливать уличных котиков, он угостил пушистого.

— Тук-тук-тук, — услышал Петр.

— Войдите, — машинально ответил тот.

В комнату вошел немолодой мужчина среднего роста. Петр сразу понял, что это отец Элеоноры, уж очень они были похожи.

— Я тут тебе еды домашней принес. Эллочка сказала, что ты с собой только Доширак да печенье прихватил. Неча всякую дрянь исть. Вот на — жена сварганила.

Мужчина достал из многократно использованного пластикового пакета контейнер и поставил его на стол. Его легкий говор и фрикативное «г» нравились Петру. В Городе тоже так старики разговаривали, но их становилось все меньше.

— Я, это, принес еще коту пожрать. Когда мать умерла, все кошки поразбежались, а этот остался, хожу его подкарм-

ливаю. Жалко животину. Я вот коров выгоняю в стадо и потом сюда, Черныша покормить и проверить, все ли здесь нормально. Тут иногда шальные лезут по дворкам. Че они тут ищут, не понятно. Тут и воровать уже нечего. — он протянул руку Петру. — Я не представился. Ты сам уже понял, это, я отец Элеоноры, Михаил меня звать.

— Приятно познакомиться! А я Петр.

— Элеонора немного рассказывала о тебе. У меня отца Петро звали. Ты тут освоился уже?

— Да еще не очень. Сегодня хочу этому время посвятить.

— Ну ты тут смотри. Если че готовить будешь — на газовой печке. Но городского газа у нас нет, мы баллонами пользуемся. Его подключить надо. Щас пойду сделаю тебе.

Уходит на кухню, возится с печкой и баллоном, напевая Высоцкого:

Где твои семнадцать лет?

На Большом Каретном.

Где твои семнадцать бед?

На Большом Каретном.

А где твой черный пистолет?

На Большом Каретном.

А где тебя сегодня нет?

На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?

Нет, не забываешь ты о нём.

Я скажу, что тот полжизни потерял,

Кто в Большом Каретном не бывал.

И, внезапно прекратив петь, обратился к молодому человеку:

— Слышь, Петро, а ты здесь корчик не видал? Че-то не могу найти.

— Что? — Петр не знал, что такое корчик.

— Ну корчик, металлический такой, лежал здесь на кухне. Коту надо воды пойти набрать, а я найти не могу.

— Не видал, — сказал Петр, так до конца и не поняв, что такое корчик.

Когда мужчина вернулся в комнату, Петр протянул ему денежную купюру среднего размера:

— Не знаю, сколько стоит еда. Хватит этого? Завтрак мне уже не понадобится, а вот обед я с удовольствием съем.

Михаил сделал удивленное лицо и отодвинул руку Петра с деньгами.

— Ты че? Да што б я с людей денег брал за еду? Совсем вы там посдурели в своем городе. Неее, убери их, а то оби- жусь. Ты же друг моей дочери, как я могу с тебя деньги брать? Это все равно что с нее. За еду тем более.

Петр хотел как-то отблагодарить мужчину, поэтому предложил помочь по хозяйству. А то неудобно.

— Неудобно спать на потолке, одеяло все время пада- ет, — отец Элочки рассмеялся, явно довольный своей шут- кой. — Че вы там городские можете? На компьютерах стро- чить. Тут другие умения нужны. Ну ты это, не бери в голову. Просто ешь, жинка моя от всей души тебе передала. Нам ка- кая разница тарэлкой больше, тарэлкой меньше. Тока это, кота корми. Это будет твоя работа.

— Да, конечно, я люблю кошек.

— Ну давай, парень. Я пошел, а то еще сено складывать надо, пока жары нету.

Он уже дошел до двери, потом повернулся и сказал:

— А вот еще че хотел спросить. Там люди брешут, что моя доча в тюрьме сидела, правда это или нет? Говорять, что в интернете ее фотографии видели, как менты ей руки скручивали. Че она там натворила? Вроде против спецопе- рации выступала. Брешут или нет? Не верю я, что моя Эле- онора такими глупостями заниматься, — с надеждой в голо- се, что это все слухи, расспрашивал Михаил.

— Она отстаивала свою гражданскую позицию, — Петр решил говорить по минимуму: кто его знает, как к деятель- ности Элочки относится ее отец.

— Какую такую гражданскую позицию? Че она там опять придумала? Она всегда любила против ветра ссать. И там тоже. И ей че ли задурили голову, эта западная либерто-та? — Михаил явно начинал заводиться.

— Ну, в общем, у всех свое мнение. И мнение Элеоноры не совсем совпадает с общепринятым. А вы сами у нее спросите, она вам все расскажет. Просто меня там не было, я не видел. — Петр пытался уйти от разговора.

Мужчина был ему симпатичен, и он не хотел с ним спорить и что-то доказывать.

— Ага, спроси ее, она по этим вопросам со мной не хочить разговаривать. Говорить, папа, моя личная жизнь тебя не касается. Ей уже тридцать лет, а замужем она не была, детей нету. Личная жизнь. — подытожил отец.

— А что тут страшного? На западе люди давно рожают после 40-ка, и это считается вполне нормальным. — попытался защитить Эллочку Петр.

— Ты мне с этим западом не заливай. — продолжал Михаил. — Знаю я, че они там делают. Растлевают нашу молодежь. Вон вчера по телевизору смотрел передачу, там политолог один выступал. Все по полочкам разложил. Раньше че, жили мы, не обращали внимание на эту политику. А щас прилипли к этому экрану, смотрим. Ну а че? Спецоперация — дело не шуточное. Мы тут почти на границе живем. Еще бомбанет нас это НАТО.

— Это вряд ли.

— Да много ты знаешь! Сидитя по своим интернетам! А надо умных людей в телевизоре смотреть. Тогда ясно все будить. Я тебе так, Петро, скажу, правильно сделал президент, что этот превентивный удар нанес. А то Соседняя Страна под началом Запада сами бы на нас напали. Да, это уже все знают. Еще бы два дня и все. И Город ваш один из первых бы пострадал. Там ядерная бомба готовилась, чтобы на Город кинуть.

— В Соседней стране нет ядерного оружия. У Запада есть, но если бы они хотели, они бы явно не стали дожидаться начала нашей спецоперации, ведь их разведка еще за несколько месяцев до этого уже предупреждала. — пытался как-то противоречить Петр.

Вот зачем он это делает? У мужчины явно была своя картина мира. Что он хотел добиться этой фразой? Не хватало еще поругаться на почве политики.

— А еще я смотрел другую передачу, и там подноготную всех их там глав государств рассказывали. Так вот ты знаешь, что глава бывших фашистов, ну там канцлер их, или как он называется, Улав Штольц — внук одного из главных фашистов, тоже Штольца.

— Михаил, это фейк. Уже все знают, что у Улава Штольца бабушка и дедушка служили на железной дороге во время Второй мировой войны. А тот фашист — его однофамилец. В их стране 50 тысяч Штольцев.

— Чета ты парень не патриот совсем. — скорее с грустью в голосе, нежели с гневом сказал Михаил. — Нет у вас патриотического воспитания. Это мы вас, родители, упустили, в 90-е работали много, не до вас было. Вот вы и выросли, как сорная трава. И не патриоты совсем. Как там вас называют, потерянное поколение.

Тему детей 90-х он резко закрыл и продолжил дальше рассуждать о правых и виноватых в нынешней политической ситуации.

— А про биооружие слышал? А про педиков в их армии? Мне очень жаль жителей Соседней Страны, тех, которые обычные люди, как мы. Они-то ни в чем не виноваты. Но что было делать?

— А санкции вас, Михаил, не пугают? — не унимался Петр.

— А че мне эти санкции? У нас все свое: куры, ути, коровы. Товары в магазине дороже стали, это да, но мы туда не часто ходим. Я тебе скажу, что санкций нам было и так

не миновать. Все против нас. Этот Запад, он нас ненавидит, они уже давно ведут информационно-экономическую атаку. И все эти санкции все равно бы на нас посыпались. Я ж не дурак, понимаю, что санкции плохо для большого бизнеса. Вот глава нашего сельхозпредприятия «Дружба» говорил, что удобрения жутко подорожали, и запчасти на трактора теперь труднее достать. Но он не возмущается, он умный мужик, понимаить, эта самая «компания отмены» все равно бы началась, даже если бы мы не напали первыми. Нас ненавидять уже давно во всем мире: нашу культуру и все остальное. Так что санкции все равно бы были, а потом на нас бы напали. Планы атаки подтверждены захваченными документами нацгвардии Соседней Страны.

— А вы эти документы видели?

— Нет, конечно, а кто мне их показать? Это же совершенно секретная документация. Дурень ты, парень. Такой большой вырос, а ничего не понимаешь. Ну я пошел, а то се-но не успею до обеда перекидать. Ты там это, скажи моей дочуре, чтобы поосторожнее была. Она у меня одна. И звони если че, если че надо.

Весь день Петр провел в саду, полон сорняки, убирал мусор. Ему нравилась эта физическая работа. Было ощущение, как будто, наводя порядок в саду, он наводит его в своей душе. Он думал о том, что городские жители, особенно живущие в городах-миллионниках, совершенно не знают деревни. У них в голове образы деревни начала века, которые они видели на картинках и в кино: деревянные дома с русской печкой, лошади и женщины в сарафанах и кокошниках. Как будто это где-то в тридевятом царстве-государстве. Вроде бы это тоже Страна, но Деревня отличается от Города больше, чем Город от городов других государств. Села вырождаются, люди оттуда уезжают. Когда-то этот вектор поменяется, но ближайшие десятилетия будет так. В селах все больше и больше таких вот заброшенных садов.

Петр посмотрел в сети историю Деревни. В начале 20-го века здесь жило около 4-х тысяч человек, а сейчас всего 1108. В Городе — 350 тысяч человек против полутора миллионов людей. В первой уменьшилось в четыре раза, во втором увеличилось в четыре раза. Вот такая простая арифметика. Город жирнеет и пухнет, его разносит во все стороны, Деревня консервируется и вырождается, связь между ними становится все тоньше и эфемерней. Вот мы празднуем день Страны, день единства. А с чем и кем это единство? Город не хочет смотреть на Деревню, а ведь в этих связях столько ресурсного может быть. Сколько добра пропадает зря. Вот как в этом саду.

Петр не заметил, как уже начало темнеть. Желудок урчал, прося топлива. За расчисткой сада он пропустил обед. Вспомнил, что в доме принесенный Михаилом провиант, и он будет сейчас как нельзя кстати.

Молодой человек открыл контейнер, это был контейнер-термос, который сохраняет тепло долго, поэтому еда казалась только что приготовленной. В термосе лежала большая сочная котлета, хорошо прожаренная, мясная, не такая, как привыкли делать в городе, когда много хлеба и всяких приправ. Это было просто мелко рубленое мясо, посыпанное луком, пропущенным через мясорубку, и солью. Ну и, конечно, в фарш хозяйка добавляла яйцо, чтобы котлеты не разваливались при жарке. Котлета лежала на пюрешечке, которую варили не на обычной воде, а добавляли в воду молоко и небольшой кусочек масла, так пюре получилось мягкое и нежное. Картошка была его любимой консистенции, толченая вручную, а не в блендере. Он не любил пюре после блендера, картошка теряла всю свою прелесть. Пюрешечка тоже была заботливо посыпана зеленью, яркой и зеленой.

— Жаль, что кетчупа нет, — подумал Петр.

Кетчуп, конечно, убивает вкус домашней еды, но Петр привык все приправлять кетчупом. Эта привычка у него появилась в детстве. Мама готовила пресную еду, не сказать,

что она была мерзкой на вкус, у нее просто вообще особого вкуса не было: котлеты на пару из диетической курицы, борщ, сваренный без особого изыска и добавления заправки, а на десерт венские булочки из магазина. Венские булочки были ничего, а вот борщ с котлетами не очень. Спасал кетчуп, он делал вкус еды сносным.

Кетчуп все же стоит купить, на худой конец майонез. Петр намеревался сходить в сельский магазин после ужина.

Магазин находился совсем близко, всего в пяти минутах ходьбы от дома, где жил Петр. Действительно, здесь можно было купить все необходимое, как и говорила Элеонора: хлеб, молоко, сыр, колбасу, основной набор бытовой химии, дешевые детские пластиковые игрушки, самые необходимые товары для дома и даже корма для домашних животных, но не для кошек и собак (их как раз-таки не было), а для уток и кур. Поэтому Петр купил для Черныша несколько банок кильки и дешевой тушенки. Кетчуп тоже был.

У сельских магазинов есть свой флер: сюда приходят не только что-то купить, но и поболтать, узнать деревенские сплетни, по вечерам собирается молодежь перед тем, как разбрестись по разным лавочкам, здесь до сих пор могут дать в долг, под запись в тетрабочку, где должник расписывается.

Петр купил кетчуп и булку хлеба, расплатился с милой продавщицей в возрасте его мамы и вышел на улицу.

Было уже довольно темно, и он беспокоился, как бы не пройти мимо переулка, который вел к дому. В деревне не было уличного освещения, это осложняло дорогу человеку, который не знал местность.

Около магазина рядом со старым мотоциклом стояли два парня и девушка. Они пили пиво из пластиковых стаканов, ели вяленую рыбу, которую очищали складным ножом. Нож был небольшой, но острый, как раз такой, каким можно было разрезать твердую чешую рыбы. Девушка ругалась с одним из парней, предъявляя претензии по поводу

верности. Другой пытался оправдать друга и усмирить девушку.

— Ленка, да не кипятись ты. Не было там ничего. Он правда, у меня отвисал. Ну нажрался он, не мог трубку взять.

— Да, там баб у вас был полный дом, и эта проститутка Светка! Все знают, как она себе на телефон заработала.

— Да че ты к Светке пристала. — говорил тот, кого приревновала Ленка. — Она в Городе подрабатывает, на рынке. Сама она на телефон заработала.

— На такой на рынке не заработаешь. Да хватит ее защищать, — девушка злилась еще больше. — Иди к ней, раз она такая хорошая. А я себе кого получше найду.

Она увидела выходящего из магазина Петра.

— Вот этого, например.

И направилась в его сторону. Подошла к нему, окинула беглым изучающим взглядом и с вызовом в голосе спросила:

— Проводишь меня до дома?

— Я бы с удовольствием, но я тут только второй день и не знаю местности.

— А я тебе покажу, куда идти, — не унималась та.

— Эй ты че там? — возмущенно крикнул ее парень. — Ты че совсем офигела? На моих глазах клеить какого-то хмыря приезжего?

Он вразвалочку подошел к девушке.

— Пойдем уже.

Схватил ее за локоть и потащил за собой. Она начала вырываться. Он схватил ее так, чтобы она не могла шевельнуться и пытался тащить дальше. Она больно укусила его за руку.

— Ах ты сучка, ты че совсем о**рела, — и ударил ее по лицу.

Петра с детства учили, что девушек бить нельзя. И он не смог на это смотреть спокойно. Где-то на заднем плане его сознания пронеслась мысль: «Куда ты лезешь, ты по-

смотри на этого бугая, он тебе сейчас врежет. Иди отсюда, сдалась тебе эта девчонка, ты ее не знаешь совсем». Но вслух он сказал.

— Оставь ее в покое. Она же девушка.

Петр не успел опомниться, как упитанный, мощный парень подбежал к нему и попытался ударить, но не попал. Петр увернулся. Тот попытался еще раз. Но опять промахнулся. Петр не ожидал от себя такой быстрой реакции, но объяснил это тем, что парень уже изрядно набрался. Он никогда не дрался. Последний раз на него нападали в школе. Но то было сложно назвать дракой, скорее групповым унижением. Несколько одноклассников поймали его в туалете, орали, что он педрила, а потом пытались засунуть его голову в унитаз. Но в туалет зашел учитель физкультуры, и парни разбежались. После этого он неделю не ходил в школу, не рассказывая маме, почему. Но она все равно узнала. Петр до сих пор был не в курсе, что она и кому сказала, но после этого пацаны его больше не доставали. Но и дружить с ним никто не хотел. Да он и не стремился с ними дружить. Его больше интересовали книги и биология.

Видимо, Петр слишком погрузился в воспоминания, нахлынувшие потоком. И бугай, нападавший на него, все-таки его ударил. Петр взбесился. Он вспомнил ватагу подростков в школьном туалете, и его накрыло. Он со всей силы ударил противника. Тот упал. И не шевелился.

— Эй, что ты с ним сделал? — раздался голос девушки.

Она подбежала к парню, уселась рядом с ним и начала причитать: «Сашенька, родненький, прости меня. Я не хотела. У тебя все нормально?»

Сашенька что-то бормотал и пытался встать.

Второй парень, стоявший все это время у мотоцикла и наблюдавший за потасовкой, поставил стакан с пивом на землю и начал надвигаться на Петра. В руках у него был тот самый складной ножик, которым он чистил рыбу.

— Ну иди сюда, иди, — прокричал он Петру. — Ты че думал, приехал из своего города и можешь тут х**ню творить? Как вы уже достали, хозяева жизни. Приедут тут со своими бабками и начинают вы***ваться.

Этот был не очень высоким и худым. И Петр в принципе смог бы его свалить, тем более, что он тоже был нетрезв. Но в руках у парня был нож. А это было опасно. Петр подумал, что надо бы бежать отсюда, но не успел даже и 20 метров пробежать, как тот догнал его, начал насакивать и махать ножом. Петр попытался забрать нож, но неудачно: слишком сильно выкрутил руку нападающему и тот вонзил себе нож в грудь. Посмотрел на Петра сконфуженным и обиженным взглядом и упал. Нож торчал у него из груди, а из раны текла кровь.

— Что ты лежишь, вставай, — пыталась поднять Ленка своего пьяного парня. — Надо за помощью ехать.

Но тот бормотал что-то нечленораздельное. Алкоголь его явно забрал.

— Как же вы за**али, все вы козлы, вечно вас из дерьма вытаскивать нужно! — зло прокричала Ленка и побежала куда-то за помощью.

А Петр смотрел на раненого парня и не знал, что делать. Он явно не был готов к такому развитию событий. Его знания биологии говорили о том, что рана опасная и парень в течение нескольких минут истечет кровью. Он не успеет позвать на помощь.

И тут Петр увидел, как надо телом парня поднимается белое облако. Он почувствовал запах тлена. «Он умер», — пронеслось в голове Петра. — Я убил его».

— Да, он умер, хотя все еще можно исправить, его душа пока не分离илась с телом, но надо поторопиться — время идет на секунды — услышал он у себя в голове голос Георгия.

Удивляться было некогда.

— Что мне делать? — спросил Петр.

— Вспомни, как ты в детстве лечил котенка, — продолжил голос Георгия у него в голове. — Вспомни это ощущение, сосредоточься. Ты тогда думал, что придумываешь заклинания. Но ты не придумывал их, ты их вспоминал. Вспомни сейчас.

Петр начал произносить слова на каком-то непонятном языке, который он раньше никогда даже не слышал. Да и не мог слышать, потому что это был древнеаккадский. Но молодой человек понимал каждое слово, которое произносил. Это было заклинание, оно лилось само, как будто через него говорил кто-то другой.

Бог-царь, здесь, из-за которого я — человек
есмь,
меня ты раньше оставил, ты все народу делишь;
дай и мне.
Бог мой, хозяин мой, сюда идите, предков
зовите.
Бог мой, хозяин, приблизься ко мне, мой дух
с твоим
беседует, позови других духов.
Пусть духи силы дадут время вернуть, время
вернуть,
жизнь вернуть.
Духи степей придите в мои длани, дайте силу
дланим моим,
Чтобы время вернуть, чтобы жизнь вернуть.
Бог-царь здесь, с человеками есмь.

Во время заклинания он руками водил в области раны, сердца и головы парня. И не мог не чувствовать, как горячи были руки, ощущал как будто между ними было заряженное поле, будто между двумя заряженными магнитами.

Когда слова-заклинания перестали литься, он своими глазами увидел, как шарик света, висящий над головой парня, вошел в его грудь через то место, в которое был вставлен

нож. Верхняя часть тела парня подпрыгнула, и тот задышал. Самого Петра тоже очень сильно встряхнуло, глаза ослепил яркий белый свет. Он инстинктивно зажмурился.

Через секунду открыл глаза и обнаружил себя на верхней ступени лестницы, по которой он выходил из магазина. Девушка шла ему навстречу со словами:

— Проводишь меня до дома?

Петр посмотрел на нее, извинился и пошел дальше. Она рассмеялась ему вслед. А парни кричали, что он городской педрила. Петр, не оборачиваясь, шел дальше по дорожке, ведущей к дому бабушки Элочки.

И вот он уже сидел у речки и смотрел в темноту. Ну и денек выдался!

Тут он почувствовал, что здесь кто-то есть. Оглянулся. К нему приближалась фигура в коричневом балахоне с капюшоном.

— Здравствуй, мой друг!

— Опять ты? Что на этот раз?

— Помнишь меня?

— Такое забудешь.

— Ты применил заклинание времени и вырвал человека из лап служителя Смерти. Он недоволен.

— А что мне оставалось делать? Мне некогда было думать.

— Ты уже встал на путь шамана. Но ты принадлежишь к роду белых, а не черных. Ты не должен был делать то, что сделал сегодня. Это несколько усложняет нашу задачу.

— Я был бы не против, если бы ты объяснил мне, что ты имеешь в виду и что вообще сегодня там у магазина произошло. — сказал Петр, приготовившись к тому, что придется расширять свое сознание.

— Видишь ли, ты человек рыбы, т.е. белый шаман. Но каким-то непонятным мне способом, получил доступ

к заклинанию черного шамана. Мне еще предстоит выяснить, как такое случилось. Но пока тебе следует кое-что узнать о мире духов и в дальнейшем пользоваться своим даром осознанно.

— Мне приготовить бумагу и ручку, чтобы записывать твою лекцию? — попробовал пошутить Петр.

— Пожалуй, в темноте это будет сложно сделать. Но если ты настаиваешь.

Из ниоткуда появилась пачка бумаги и ручка.

— У меня память хорошая.

— Давай не будем терять время на глупые шутки, ты сегодня и так с ним плохо себя повел. Запомни, черные шаманы — служители нижнего мира, и им подвластны темные силы. Шаман не выбирает, какому миру служить, его выбирают духи. Они дают ему разные знаки, сны, видения, чтобы раскрыть его предназначение. Задача любого шамана, и черного и белого, служить людям и держать грани мира. Вот только способы это делать у черных и белых шаманов разные. Белый камлает, т.е. путешествует, в среднем и верхнем мире, черный же в среднем и нижнем. Духи болезней и смерти живут в нижнем мире, в среднем духи рода и разные тотемные животные, в верхнем — силы, создавшие миры. Поэтому белый шаман может предсказывать будущее, а черный нет. Но черный может договориться со Смертью, белый же подчиняется судьбе. Она ведет его.

— А что тогда плохого в черном шаманстве, я не могу понять. Разве плохо лечить болезни и заговаривать смерть? — Петр пытался разобраться, в чем же суть.

— А я разве сказал, что черным быть плохо? В нижнем мире есть сила и власть, но там нет любви.

— Черные слабее белых? Что они могут вообще?

— Донести послание от мертвых родственников, убрать сглаз, порчу, также, как и наслать их. Они могут принести большую пользу, но и большой вред, так как в них нет любви, но есть много силы. Сила без любви может быть очень опасна.

— А если белый шаман сделает плохо людям, воспользуется властью предсказывать будущее в свою пользу? — спросил Петр.

— Тогда у него отнимут дар. Он не станет черным шаманом. У темных же очень много испытаний. У них не отбирают дар, даже если они творят самые большие мерзости с точки зрения человеческой морали. Но они могут не выдержать этой силы. Черные шаманы часто сходят с ума.

— Почему?

— Потому что их боятся, но не любят. И они никого не любят. Жажда власти и могущества толкает черных шаманов на то, что вы, люди, называете преступлениями.

— Может ли черный шаман убить белого? Причинить ему вред?

— Физически убить может. Но черные не властны над белыми, белых защищают духи верхнего мира, а они сильнее нижних. А вот белый может убить черного, но если он гораздо мощнее. Но такое бывает нечасто, белые идут на это только в крайнем случае.

— А как понять, черный ты шаман или белый? И когда и кто это вообще решает?

— Это решается в момент зачатия человека. У белого шамана может родиться или обычный ребенок, или белый шаман. А у черного — черный шаман или обычный ребенок. Бывают редкие исключения. Это сыновья и дочери двух отцов. Кажется, у вас такие случаи называются химеризмом.

— Но это возможно только при ЭКО, — сопротивлялся Петр, когда берется три клетки.

— У шаманов такое иногда бывало и раньше, когда люди об ЭКО и слыхом не слыхивали. Но только если один шаман светлый, другой темный и обычная женщина. Тогда от них рождается ребенок, который становится шаманом и сам может выбрать, кому ему служить: темным силам или светлым. Это сильные шаманы, очень сильные!

— А с чего ты взял, что я белый шаман? Я не знаю своего отца, может он там черным шаманом был.

— Ты не знаешь, зато я знаю. Помнишь, когда мы с тобой встретились первый раз и там в углу библиотеки ты увидел человека в сером балахоне с капюшоном? Ты еще спросил, кто это. Так вот, это и был твой отец. Я, думаю, скоро настанет время, чтобы вы с ним и в этом мире пообщались.

— Он белый шаман?

— Да, и дед твой, его отец, был тоже белым шаманом. Ты из рода сильных шаманов Петр. И еще, давай-ка я еще научу тебя, как входить в транс, чтобы подключаться к небесным сферам. Это на всякий случай, если тебе понадобится моя помощь. Не бойся обращаться за помощью. Я знаю, тебе это не просто дается — попросить. Но надо учиться, иначе не стать тебе настоящим шаманом. Другим шаманским премудростям тебя научит твой отец. Начнем?

Человек в капюшоне учил Петра концентрироваться, управлять своим вниманием и вызывать сны наяву. Для этого нужно было правильно дышать и использовать рыбу как животное силы.

— Делай глубокие вдохи и выдохи почти на пределе своих возможностей, и дыши очень быстро. — Петр следовал инструкции человека с капюшоном. — Несколько вдохов — и ты обнаруживаешь, что голова кружится, а потребности дышать дальше нет, твои легкие и голова перенасытились кислородом. Продолжай. Не останавливайся. Держи этот ритм.

Он считает. Проходит несколько минут.

— Я чувствую, тебя начинают посещать яркие видения, но пока не отвлекайся на них, сохраняй полное осознание. Дыхание ускоряется. Дыши. Ты уже не в состоянии больше дышать. Как младенец, который выходит из лона матери, готовый родиться. Все равно делай вдохи и выдохи. Вдох. Выдох. Тебе очень трудно, матка Вселенной давит тебя.

Еще одно усилие, движение вперед. И дальше — очень легко. Тело само продолжает дышать, уже без твоего участия. Дыхание как будто уже совершается не тобой, оно становится автономным. Все твое тело перенасытилось энергией и вибрирует.

Петр часто дышал, резкий приток кислорода в мозг вызывал измененное состояние сознания, которое и было трамплином для перехода. Нужно было сосредоточиться на точке в области груди, которая пульсировала, расширялась сначала до пространства вокруг Петра, места, где он находился, страны, континента, мира, Солнечной системы, Галактики. Точка внутри его груди взрывалась, и он превращался в рыбу, плывущую по бездонному океану космоса. Его тело осталось на берегу реки, а сознание покидало нынешнее пространство-время.

Через мгновение он оказался в Шумере в 4250 году до нашей эры. Он наблюдал за историей, которая произошла там в день поминок по всем усопшим.

Наступил месяц поминок великого бога Ниназу, зачатого в преисподней Энлилем и Нинлилью. Хлеб был убран, а это означало, что все в храме готовились к священному обряду поминовения усопших, а горожане к очередным набегам со стороны соседей-варваров.

Ашера подметала около главного святилища. Она была среднего роста, с большими глазами на немного пухлом лице. Наблюдая за ней, путешественник во времени отметил, что эта девушка очень смахивает на изображения его матери в молодости.

Раньше задачей Ашеры было поддерживать чистоту в нескольких комнатах храма, где воздавали честь богам Шумера, но вот уже несколько месяцев, она не могла этого делать, поскольку была беременна. В храме не принято бы-

ло задавать вопросов, кто отец ребенка. Ведь жрицы-прислужницы обязаны были ответить взаимностью любому гостю храма, если он того пожелает. Все дети, рожденные в храме, принадлежали верховному богу Энлилю, и только главный жрец мог знать, какая судьба предстоит тому или иному ребенку. Чаще всего у таких детей был небольшой выбор: девочки оставались при храме и сами становились жрицами-прислужницами, а мальчиков ждала участь евнухов при том же храме или при дворе богатых горожан.

Ашера была сиротой, и когда главный жрец Элайя, увидел ее в первый раз, она просила милостыню на городском рынке. Ей тогда было лет 12, и ее родителей убили в месяц бога Ниназу, когда они пытались защитить собранный ячмень. Девочку пощадили.

Прошло 6 лет. Из тощего заморыша Ашера превратилась в красивую пышногрудую девушку. Ее формы с трудом могла скрыть даже просторная туника. Такие жрицы пользовались успехом у гостей храма, и обычно рано умирали от «нехороших» болезней. Девушка понимала, что как только у нее начнутся «красные дни», нужно соблазнить какого-то одного влиятельного господина и ублажать его так, чтобы он дал слово ходить только к ней.

Ей повезло. Ее выбрал сам жрец. Конечно же, об этом не должен был никто знать, ведь главным жрецам не положено иметь телесных или каких бы то ни было отношений ни с кем, кроме богов и богинь. Но к счастью, Элайя не очень соблюдал законы.

Ашера делала свою несложную работу и думала о том, как же жрец назовет ее ребенка, каким он будет, и как может измениться ее жизнь после этого. Из храма ей уходить не хотелось, хотя после рождения ребенка она имела возможность сделать это по своему желанию в любой момент. Храм был ее домом, вернее, ее домом был Элайя.

Протирая ниши для статуй богов, она подумала, что очень смешно, что за ними приходится ухаживать точно

так же, как за детьми. И одно неверное движение, божки упадут и разобьются. Тогда ее точно выгонят.

Ашера погладила свой живот, уже чуть-чуть осталось. Малышка должна была родиться сразу после дня, посвященного усопшим, так сказал жрец. Он как-то высчитал это по звездам. И то, что это будет девочка, тоже он сказал. Он не может ошибаться. Она хотела назвать девочку Эльмештум в честь своей подруги, которую готовили в храмовые жрицы. Она была девственницей и принадлежала только богу Энки, и в праздник ее принесли в жертву, это должно было спасти город от нашествия варваров.

Ашера вспомнила, как в последние месяцы перед событием Эльмештум часто плакала и никому не рассказывала, почему. Она все время повторяла, что город умрет, потому что она нарушила волю богов и что она боится умирать. Ей выпала великая честь, но она об этом узнала в последний момент. И, кажется, успокоилась.

Ашере нужно было сходить на рынок за яствами к столу гостей, прибывающих в город к великому празднику. И это был прекрасный повод еще раз увидеться с жрецом и поговорить с ним насчет имени.

— Нет, Ашера. Дочь жрицы-прислужницы не может носить имя той, что дала нам всем радость, посвятив себя после смерти нашему великому Энки. Ее имя теперь свято. И я больше не хочу говорить об этом.

После этих слов лицо Элайи помрачнело. Ашера присела на колени, это делать было уже сложно, но она всегда массировала его ноги, когда он начинал так смотреть, это приводило его в чувства.

— Дашь ей имя Энаптум, рожденная в храме. А сейчас иди и сделай то, что входит в твои обязанности. И возьми с собой провожатого, я не хочу, чтобы ты родила прямо на рынке.

Ашера поклонилась так низко, как она только могла, и вышла.

В дверь постучали. Повитуха. Одна из старых храмовых жриц, которая принимала роды. По ее лицу было видно, что она иногда злоупотребляет пивом: легкие мешки под глазами, покраснения вокруг носа и сухая кожа на руках.

Сначала она огляделась, нет ли кого в комнате, и поняв, что они одни, начала петь.

Злой удуг, который пустынные дороги делает
труднопроходимыми,
который ходит тайком, засыпает дороги.
Злой дух, который выпущен в степи,
Злодей, злодей, изыди из ноги Элайи...

— Я тебя не за этим позвал. Ты принесла?

— Да, мой господин. — она протянула ему пузырек с какой-то жидкостью. — У меня такой же. Вам на случай, если меня по каким-то причинам не окажется в храме и роды будет принимать другая жрица. Смажете младенцу губы, и он умрет. Все подумают, что родился мертвым. В родах всякое бывает. А я с вами уже столько лет, от меня никто ничего не узнает. Я даже спрашивать не буду, зачем вам отправлять невинного младенца к праотцам, знаю, что вы все делаете на благо нашего храма, города и нашего мира. А девочке даже легче будет. С дитем оно всегда сложнее. А так, может, какой приличный горожанин в дом возьмет, а с дитем оно никому не надо.

Она, расшаркиваясь, не поворачиваясь к жрецу спиной, не смотря ему в глаза, попятилась к двери. Уже у самого выхода она произнесла:

— Доброго дня, господин. Насчет ноги приду вечером.

Главный жрец даже не повернул головы, его мысли были уже далеко в прошлом, в том дне, когда с почестями, вопреки всем правилам, как великую наместницу Нинлиль на земле хоронили Эльмештум. Ее тело на ложе из цветов, лежало в центре зиккурата, массивной башни из камня, привезенного из Абиссинии. Все до этого момента, такое

знакомое, выученное до мельчайших деталей, казалось чужим. И это ощущение отстраненности не покидало Элайю с того самого дня. Оно преследовало его только в храме, стоило выйти на улицу, окунуться в толпу, и оно чудесным образом проходило. В памяти вереницей проносились эти чужие колонны и полуколонны из сырца, покрытые узорами из зигзагов, ромбов и треугольников, созданных из тысяч окрашенных глиняных конусов, вмурованных в толстую штукатурку из сырой глины, как ее тело в гроб, украшенный такими же конусами и зигзагами. Уже начавшие трескаться фрески с изображениями божественных деяний и священных животных вызывали физическую тошноту, а может быть, эта тошнота была вызвана ощущением холодного тела, которое еще вчера лежало здесь и было теплым. Было живым. Ощущение фантазмагии — вот подходящее слово, которое могло бы описать его состояние, но такого понятия тогда, четыре тысячи лет назад, не существовало. А значит, и состояния не было.

Такие похороны, которые жрец устроил в честь Эльмештум, в Шумере бывали не часто и их делали только тогда, когда происходило что-то особенное, когда город очень нуждался в поддержке богов и не чувствовал ее. Тогда вместе с главной жрицей к богам должна была отправиться вся ее свита. Так она могла окончательно соединиться с богами и передать просьбу людей. Эльмештум была погребена не в обычной могиле, а в подземном сводчатом склепе, где она лежала на спине на деревянном ложе в плаще из синих лазуритовых бус и пышном венке из золотых листьев. Вокруг склепа было выкопано большое подземное помещение, в котором посадили уже мертвых девушек, служащих в храме прислужницами. Ашеру спасло только то, что ей не исполнилось 18 лет. Иначе и она сидела бы там в свите Эльмештум, молодая, красивая и мертвая. Все они были в цветных плащах и с серебряными лентах в волосах. Там же лежали арфы, к которым были приделаны золотые головы священ-

ного быка бога Энки и священной коровы богини Иштар, золотые туалетные приборы, доски для игры в кости и множество мелочей, которые могли бы понадобиться Эльмештум на том свете.

В пологом спуске-коридоре, который вел в склеп, стояли повозки и волы с их погонщиками, которые тоже выпили яд и теперь ждали свою госпожу. Мертвая жрица принесет мир и спокойствие всему городу. И главное — эти варвары-акадецы покинут их землю.

Он прокручивал эту картину много раз, пока не заметил, что в комнате стало темнеть. Пришло время праздничного ужина накануне дня усопших. Просто разделить то, что послали боги, с другими храмовыми служителями.

Подали мучные лепешки, гороховую похлебку, баранину с чесноком и пахучими травами, сыр и сласти из муки и финиковой патоки. Все с удовольствием поедали огромное количество еды, восхваляя богов, принесших в этом году такое изобилие. И только Ашера и Элайя не притронулись к еде.

— Сегодня родит, — подумал Элайя.

— Сегодня нога будет мучить его целую ночь, — подумала Ашера.

Он ворочался и не мог заснуть в своей келье, в постели, посыпанной душистыми травами от насекомых.

Она в своей пела песню, конечно же о нем, конечно же, ему:

Жених, сердцу любезный, божественна красота
твоя,
Мой милый, Лев, сердцу любезный, ты покори
меня.
Я трепещу перед тобой.
Жених, ты поведешь меня в свою спальню,
Жених, дай я приласкаю тебя,
Драгоценные ласки мои слаще меда,
Дай приласкаю тебя.

Матери нет у меня, ты мать моя,
Отца нет у меня, ты отец мой.
Мой милый, Лев, сердцу любезный, ты покори
меня...

— Ой! Что это? — теплая вода полилась у Ашеры по ногам и на полу очень скоро образовалась целая лужа.

Озноб охватил ее тело, а потом и необъяснимое чувство тревоги. Когда пришла повитуха, Ашера вместо приветствия простонала в такт схваткам: «Я сегодня умру».

Чем короче был промежуток между схватками, тем больше ей нужно было прилагать усилий, чтобы быть в сознании.

— Позови Элайу. Хочу видеть его перед смертью.

Повитуха посмотрела в почти стеклянные глаза роженицы, она знала этот взгляд, поэтому не спорила. Эн (так обращались к верховному жрецу) жил в противоположном крыле храма, она боялась, что не успеет. Но никого послать было нельзя, это могло вызвать подозрения. Главный жрец не имел права видеть, как земные женщины рожают.

— Иди, иначе я поползу туда сама.

Уже немолодые ноги жрицы-повитухи бежали как никогда быстро и в то же время тихо. Как будто ей опять было 16, и она снова кралась по этим узким коридорам, подслушивая, не творится ли чего непристойного за какой-то из дверей.

— О великий Эн, она умирает. И простите, что я без приглашения, но...

Жрец выбежал, ничего не сказав и не закрыв дверь. Его большое могучее тело разрывало собою пространство бесконечных коридоров. И не прошло и пары минут, как он ворвался в келью Ашеры.

Он сел рядом, она посмотрела на него глазами, полными тоски и боли. Такие глаза обычно были у священных коров, которых забивали в честь богини Иштар, когда молот был уже занесен над их мордой.

— Прости меня. Я и тебя убил. Глупый, маленький барашек. Я хотел тебя оберегать, не получилось. Ты меня связывала с ней, с Эльмештум.

— Пожалуйста, пусть наша дочь растет при тебе в храме. А потом отпусти ее на волю. Назови ее Эльмештум.

— Не могу. Боги покарают храм за это.

— Назови. И... Тихо. Посмотри в окно. Вон осталась только одна звезда. Светает. Я хочу спеть тебе напоследок. О том, как я люблю тебя. И пройдет много лет и веков, мы встретимся. И я все так же буду любить тебя.

Муж, назначенный мне Энлилем,
Дай окажу тебе я ласку,
В опочивальне твоей медовой,
Буду радовать сердце твое навсегда...

Оборвалась песня Ашеры криком младенца. И в эту минуту в келью вернулась повитуха. Эн стоял на коленях, в руках у него кричал красный комок.

— Это мальчик. А она умерла.

Повитуха перерезала пуповину, обработала и помыла ребенка, завернула его в тогу Ашеры, передала жрецу. И через какое-то время, протянула пузырек с прозрачной жидкостью.

— Смажьте ему губы, вот.

Эн не шелохнулся, он молчал.

— Я сделаю это сама. Дайте младенца.

Он передал ей младенца и вышел из комнаты. Выходя, он приказал:

— После того, как закончишь с младенцем, подготовь тело Ашеры к похоронам.

Жрице очень хотелось спросить Элайю, зачем он хочет отправить младенца на тот свет, ведь можно было бы просто его отдать кому-то на воспитание. Но она не задавала этого вопроса, она вообще привыкла не болтать лишнего и не лезть не в свое дело.

А Элайя шел и думал, что теперь пророчество богов о том, что его убьет собственный сын, которое он услышал накануне смерти Эльмештум, не сбудется, потому что единственный его сын, только родившись, умерщвлен, а больше таких ошибок он не допустит. Когда он услышал пророчество, то не придавал ему значения. Но позже, узнав о беременности Ашеры, вспомнил его. Живот Ашеры рос, а тревога Элайи становилась сильнее. Он не мог допустить своей смерти. Его смерть означала бы не только его личный конец, но и конец той жизни в Шумере, которой было много тысяч лет.

Повитуха держала младенца в руках, укачивала его, чтобы он не плакал, думала о том, что с вечера осталось козье молоко и надо бы покормить малыша. Посмотрела на уже мертвое тело Ашеры. И, как будто та могла ее услышать, говорила вслух.

— У моей младшей сестры нет детей. Я отнесу им его, ночью никто не заметит. А они скажут людям, что подкинули. Такое иногда бывает. Муж ее — уважаемый человек, у него посудная мастерская, гончар он. Мальчику у них хорошо будет. Никто ничего не узнает. И эн будет доволен, и ребенок жив. Никто никогда не узнает, чей это ребенок. Никто не должен знать.

Но сомнения все же мучили ее, ведь она нарушала шумерские законы и, что еще хуже, волю верховного жреца. Что же теперь будет? Ей хотелось быть верной служительницей своего эна. Но иногда она делала что-то, о чем он не знал, тогда, когда в ней просыпалась сила и воля. К тому же, она прожила в храме всю свою жизнь, и неплохо разбиралась в том, когда нужно взять ситуацию в свои руки. Ей было 14 лет, когда Элайю, будущего жреца, а тогда 7-летнего мальчика привезли из дворца.

После недолгих сомнений она решила, что отнесет новорожденного к своей сестре, а жрецу ничего не скажет. Она умела держать язык за зубами и скрывать чужие тайны.

Она помолилась, закрыла покойнице глаза и тихо выбралась из храма.

Ночь была жаркой и тихой. Пели ночные птицы. Младенец посапывал, завернутый в материнскую тогу, наевшись козьего молока.

Повитуха торопилась в дом, этот дом она знала с детства, поскольку там родилась.

У нее были ключи от двери от внешнего и внутреннего двора дома. Дверца с улицы вела в сени, где стояла ситула, небольшой сосуд без ручки, в которой была вода для омовения ног. Здесь же хранился хозяйственный инвентарь. Отсюда, наискосок от уличной, другая дверь вела на внутренний дворик, который, как и сени, был вымощен обожженным кирпичом. На двери у выхода из сеней висел оберег от злых духов — головка демона. Он висел тут и во времена ее детства.

Тихо она прокралась сначала в людскую, помещение для рабов и мальчиков-подмастерьев, а потом через спящие тела в кухню. В кухне был врыт в землю очаг и кирпичная плита, в которой даже в темноте виднелись углубления для раскаленных углей. В детстве она любила наблюдать, как тлеют угольки и мечтать о дальних странах и волшебных существах. Мебелью служили низкие столы и стулья с высокими спинками. На полу стояла домашняя посуда, изготовленная на заказ, из глины, камня, меди и бронзы. Были также корзины и коробка, сделанные из тростника и древесины. Прежде, чем покинуть помещение, она прошла в дальний угол к семейному мавзолею, где были похоронены ее предки, в том числе и ее отец, поклонилась и выставила вперед в вытянутых руках младенца, как будто показывая его кому-то. Она прошептала короткую молитву, в которой просила предков принять мальчика в свою семью и быть к нему благосклонными. После этого она поднялась на второй этаж и постучала в одну из дверей. Дверь очень быстро открыли. Женщина вошла внутрь. Полы и стены комнаты были по-

крыты тростниковыми циновками, также на стенах висели шерстяные ковры, а на полу красовались мягкие половики из шкур.

— Я принесла вам ребенка. Позаботьтесь о нем. И не говорите никому, что это я принесла, скажите, что подкинули ночью. Я не могу вам сказать, чей это ребенок. Об этом лучше молчать, иначе боги покарают меня.